

Потому что она слишком хорошо знала свою мать, знала её одержимость семейной славой и будущим сына, знала неизбежные повсюду оковы и безысходность этих глубоких дворцовых стен. Она слишком хорошо понимала и то, какой неподъёмной, непоколебимой горой возвышается слово «сыновняя почтительность» над ним — принцем по рождению.

Он мог представить, как из-за Сяо Яньцзы воспротивится гнев Отца-Императора, мог вообразить всю суровость скитаний вдаль от роскоши и богатства, он даже был готов бороться и поставить на кон туманное будущее. Но... когда самые близкие люди угрожают собственной жизнью, когда обвинение в «непочтительности» давит каменной плитой, когда он может стать виновником гибели родной матери... сможет ли он по-настоящему, без малейшего колебания, взять Сяо Яньцзы за руку и уйти, не оглядываясь?

Он не мог.

Это осознание окатило его ледяной водой, заставив оцепенеть от холода, а в каждой косточке и суставе поселилось отчаянное оледенение.

Все его пламенные клятвы, все прекрасные мечты о будущем перед лицом этих четырёх слов казались такими бледными, слабыми и беззащитными.

Сяо Яньцзы смотрела на его внезапно побледневшее лицо, на угасший блеск в его глазах, на его подрагивающие, но безмолвные губы, и терзавшая сердце боль постепенно сменялась глубокой усталостью.

— Видишь, Юн Ци, дело не в том, что ты не хочешь, и не в том, что я тебе не верю. Просто мы... рождены в разных местах, и на наших плечах лежат разные ноши. В твоём «всем» всегда будут твоя мать, твой Отец-Император, твой статус и твоя ответственность. А моё «всё»... — Она замолчала, устремив взгляд на ослепительный солнечный свет за окном, от которого у неё защипало глаза. — Я хочу лишь простой жизни. Я не могу жить в этом глубоком дворе, я не способна делить одного Отца-Императора со многими наложницами, как Императрица-Мать, наложница Лин, Благородная супруга Юй и остальные.

— Юн Ци, я не умею говорить красивыми высокими фразами, цитировать всякие мудрости... — Её голос звучал тихо, но в нём слышалась неотвратимость точки в самом конце. — Ты навсегда останешься самым дорогим старшим братом в моём сердце, и я вечно буду помнить всё хорошее, что ты для меня сделал.

Он стоял неподвижно, словно у него отобрали все силы, и только что кипевшие спешка, пыл и готовность поставить на кон всё превратились в ничто, оставив лишь пустую и окоченевшую оболочку.

Яркий свет в его глазах окончательно погас, оставив лишь бездонную серость и усталость.

— Ты права, Сяо Яньцзы, — его голос успокоился, но это спокойствие пугало. — Мы люди из двух разных миров. Мой путь лежит за дворцовыми стенами, а твоё сердце... — он замолчал, скользнув взглядом по её сжатым рукам, по чуть подрагивающим плечам, и наконец остановился на её бегающих глазах. — Твоё сердце, возможно, уже нашло гавань, где хочет бросить якорь. Только этой гаванью буду не я.

Он больше не смотрел на неё и повернулся лицом к окну.

— То, что я сказал сегодня, было дерзко с моей стороны. С этого дня... — он закрыл глаза, глубоко вздохнул, а когда открыл их снова, в них плескалась лишь тяжёлая, безмятежная

глушь. — С этого дня я по-прежнему остаюсь твоим «пятым братом».

С этими словами, не дожидаясь от Сяо Яньцзы никакого ответа, он зашагал к выходу.

Его спина по-прежнему оставалась прямой, но в ней сквозила оцепенелая и одинокая истончённость человека, у которого выкачали последние силы.

Сяо Яньцзы проводила взглядом удаляющегося Юн Ци и с облегчением вздохнула. Она справилась.

В боковом зале караульного помещения уже зажгли свечи. Тусклый свет разогнал мрак по углам, но не смог рассеять мрачные тучи на челе Юн Ци.

Эр Кан как раз сдал дежурство и собирался покинуть дворец, но его тихо перехватил евнух из свиты Юн Ци и привёл в это уединенное место.

Юн Ци сидел в одиночестве на сандаловом стуле у окна, всё ещё одетый в дневное белое повседневное платье с узором из облаков. Спина его была прямой, но казалось, будто из мужчины вынули душу, оставив лишь красивую и пустую оболочку, которая неподвижно смотрела на погружающиеся в сумерки за окном.

Эр Кан всё понял без слов. Он махнув рукой отослал слуг, притворил дверь, подошел и опустился на соседний стул рядом с Юн Ци, не спеша ничего говорить.

В тишине бокового зала было слышно лишь сдавленное, но по-прежнему тяжелое дыхание Юн Ци.

Долгое время спустя Юн Ци медленно повернул голову. Его фениксовые глаза, обычно сиявшие энергией, сейчас потускнели, налились кровью и, уставившись на Эр Кана, словно нашли временную пристань, выражая глубокую боль и растерянность.

— Она спросила меня... что я буду делать, если моя матушка станет грозить смертью, — голос Юн Ци страшно охрип, каждое слово царапало горло, будто песок. — Эр Кан, я не смог ответить ни единого слова.

Эр Кан молча взял стоявший на маленькой жаровне чайник, налил чашку горячего чая и подвинул её Юн Ци. Поднимающийся пар размыл бледное лицо принца.

— Значит, — голос Эр Кана был ровным, наполненным тем успокаивающим спокойствием, которое присуще истинным друзьям, — она отказала.

Юн Ци закрыл глаза, его кадык тяжело дернулся, а когда он снова открыл их, зрачки пылали краснотой, но на губах проступило нечто вроде самоироничной улыбки:

— Да, чётко и решительно. Она сказала, что я ее старший брат, что мы из разных миров, и что... она хочет лишь простой жизни. — Он замолчал, и улыбка стала невыносимо горькой. — Эр Кан, я думал, что смогу дать ей всё, а в итоге всё то, чем я хотел одарить её, может стать клинком, вонзившимся в её сердце. Скажи, разве я не жалок?

Эр Кан не стал утешать его с ходу. Поразмыслив мгновенно, он заговорил ровно и искренне:

— Юн Ци, я не собираюсь подыгрывать кому-то одному. Но всё это касается твоей жизни и жизни Сяо Яньцзы, поэтому нам нужно взглянуть на ситуацию трезво.

Он прямо заглянул в мучительные глаза Юн Ци:

— Ваши с Сяо Яньцзы чувства искренни и драгоценны, в этом нет сомнений. Но вопросы брака между мужчиной и женщиной, особенно в императорской семье, никогда не касаются только вас двоих. На тебе лежат ожидания Благородной супруги Юй, доверие Императора, внимание Старой Будды и даже строгие рамки дворцовых устоев... Всё это — реальные, непреодолимые глыбы, стоящие на вашем пути. Сяо Яньцзы по природе своей свободна и беспечна. Посмотри, даже малейшие дворцовые правила сейчас уже тяготят её, а если добавить к этому столь тяжелое давление и возможные... крайние возражения, — Эр Кан подбирал слова аккуратно, избегая фразы «угрожать смертью», но Юн Ци отлично понял суть, — для неё это может обернуться болью под маской любви.

Губы Юн Ци слегка задрожали. Он хотел возразить, но понял, что не может найти аргументов. Каждое слово Эр Кана было той жестокой реальностью, которую он смутно понимал в глубине души, но не желал признавать.

— Сяо Яньцзы отказала тебе не обязательно потому, что в её сердце нет чувств, — продолжил Эр Кан мягким, но уверенным тоном. — Возможно, именно потому, что она дорожит тобой и ценит вашу нынешнюю связь, она не хочет смотреть, как это чувство истончается в бесконечных трениях, обидах, принуждении и возможных будущих трагедиях. Она выбрала путь, который считает лучшим для вас обоих — вернуться на позиции родственников и близких друзей.

— Родственники... близкие друзья... — беззвучно повторил Юн Ци, и боль в его глазах постепенно сменилась глубокой тоской.

— Юн Ци, — Эр Кан заговорил еще мягче, направляя друга. — Ты с детства умен и широк душой, ты должен знать, что в этом мире трудно обрести совершенство. Некоторым узам не суждено продлиться в виде брака. Если можно охранять друг друга в другом обличье, это вовсе не значит — потерять. Ты по-прежнему останешься тем Пятым принцем, который может защитить её, баловать и укрывать от любых бурь, а она — той Сяо Яньцзы, что будет смеяться над тобой, озорничать и всецело доверять. Разве эта связь не заслуживает того, чтобы ею дорожить лишь потому, что вам не суждено стать супругами? Разве ты хочешь видеть Сяо Яньцзы запертой в этом глубоком дворце, превратившейся в подобие императрицы или твоей матушки?

Последняя фраза вновь тяжелым грузом легла на сердце Юн Ци.

Юн Ци молчал, долго-долго храня молчание.

Борьба, нежелание мириться и суета запертого зверя на его лице постепенно утихали под безжалостным анализом Эр Кана. Он всё понимал, но зов сердца был слишком силен, и ему трудно было вырваться. Теперь же, когда лучший друг так хладнокровно и искренне указал на правду, пелена иллюзий, ослеплявшая его, наконец спала.

Долгое время спустя он тяжело и крайне медленно выдохнул. Казалось, с этим вздохом ушла большая часть его сил, а вместе с ними и некие несбыточные фантазии. Подняв глаза, он все еще видел в них остатки боли, но в них появилась и нотка ясного облегчения, а также гордость и ответственность, подобающие Айсиньгьоро Юн Ци.

— Ты прав, Эр Кан, — его голос всё еще оставался хриплым, но стал намного ровнее. — Это я... заблуждался. Мне казалось, что сильные чувства способны преодолеть любые препятствия, но я забыл спросить её, будет ли за этими препятствиями то самое уединенное убежище, которого

она желает.

Он взял чашку уже чуть остывшего чая и осушил её до дна, кадык его качнулся, словно он проглатывал всю несбывшуюся страсть.

— Если моя любовь станет для нее бременем или источником боли, то такая любовь... пусть пропадет пропадом.

Он опустил чашку, посмотрел на Эр Кана и постарался изобразить на губах улыбку — пусть вымученную, но совершенно искреннюю:

— Быть старшим братом... тоже неплохо. По крайней мере, я всё еще смогу во имя брата оберегать её всю жизнь. Быть может... это лучшее, что небеса могли устроить для нас.

Увидев в глазах Юн Ци болезненный, но уже начинающий по-настоящему отпускать обиду свет, Эр Кан тоже вздохнул с облегчением, а в груди поднялось глубокое уважение и восхищение. Способность столь здраво анализировать чувства, столь великодушно принять нежелательный исход дела — подобная широта души Юн Ци поистине превосходила человеческие возможности.

— Лучшего исхода и не придумаешь, раз ты всё понял, — искренне произнес Эр Кан. — Сяо Яньцзы может считать за великое счастье иметь такого брата, как ты.

Они еще немного пообщались вполголоса, пока не приблизился час закрытия дворцовых ворот, после чего Эр Кан поднялся и распрощался.

Выйдя за ворота палаццо, он увидел снаружи уже зажженные вечерние огни.

Эр Кан вскочил в седло, и стук копыт нарушил тишину ранней летней ночи Пекина, отзываясь эхом в его внезапно участившемся сердце.

Облегчение и благословение Юн Ци, безусловно, радовали. Но в этот момент куда больше его волновал собственный немногословный младший брат, заперший все свои тайны в глубине души.

Кабинет Эрта.

Свечи горели ярко, Эрта молча сидел за письменным столом, рассеянно перебирая в пальцах какой-то конверт, выглядя отрешенным.

Рана на спине уже не беспокоила, но то письмо с кривыми строчками, несмотря на прошедшие целые сутки, всё еще не давало его сердцу покоя.

Снаружи слышались быстрые, но знакомые шаги, нарушившие тишину комнаты.

Эр Тай поднял глаза и увидел, как Эр Кан ворвался в дверь вместе с порывом ночного ветра. На лице старшего брата читалось редкое выражение, в котором смешались спешка и какое-то сдерживаемое воодушевление.

— Брат? — Эр Тай поднялся, и сердце его тревожно сжалось.

В такой час старший брат примчался в спешке, значит, случилось нечто важное.

Эр Кан захлопнул за собой дверь кабинета, отрезая их от внешнего мира.

Он подошел к Эртаю, пристально глядя на него, и понизил голос, чеканя каждое слово, которое отдавалось в груди Эрта:

— Юн Ци... сегодня ходил к Сяо Яньцзы, они обо всем поговорили начистоту.

Сердце Эрта резко рухнуло вниз, а только что взбудораженные мысли полетели в ледяную бездну.

То, чему суждено было случиться, неизбежно.

Юн Ци сам открыл свои чувства Сяо Яньцзы, а Сяо Яньцзы ответила ему всей душой... он почти мог предвидеть итог.

Горечь мгновенно заполнила рот, он опустил веки, пряча бурлящую в темноте глаз мрачность, и выдавил хрипло:

— Пятый принц он... так и должно быть. А Сяо Яньцзы...

У него не хватило смелости договорить.

— Сяо Яньцзы отказала, — перебил его Эр Кан твердым и не терпящим возражений тоном.

— От... отказала? Что?! — Эр Тай резко поднял голову, зрачки сузились, краски мгновенно сошли с лица, уступая место волне невероятного шока.

Удивление, ошеломление и искра внезапно вспыхнувшей дикой радости хаотично переплелись в его глазах.

Отказала? Сяо Яньцзы отказала Юн Ци? Почему?

Не успел он переварить этот мощный удар, как Эр Кан уже кратко и четко пересказал то, о чем поведал Юн Ци, и добавил свои собственные выводы, сделанные во дворце.

Вот оно как... дело было не в том, что Юн Ци плох, и не в том, что Сяо Яньцзы равнодушна, а в том, что за внешней красотой чувств скрывались столь тяжелые, практически непреодолимые реалии. Сяо Яньцзы оказалась трезвее всех, именно поэтому она выбрала самый радикальный путь, обрубив любые возможности.

Тогда... что насчет него самого?

Эта мысль, подобно холодной игле, проколола искру внезапной радости в сердце, принеся с собой еще более острую ясность и панику.

Для нее Юн Ци — «старший брат», «один из самых дорогих людей», но его четко исключили из числа «возлюбленных». А он? Тот самый молчаливый «второй господин Фу», вечно стоящий в тени — кто он для нее?

Неужели он даже близко не подбирался к званию «старшего брата»? Просто младший брат Эр Кана, компаньон по учебе Юн Ци, обычный приятель, который изредка может помочь или у которого можно поучиться боевым искусствам?

Все те знаки внимания, неловкие попытки угодить, те прямые и горячие приветствия из

письма — были ли они вызваны чувством вины за его рану, вежливостью по отношению к другу старшего брата, или же... там таился хоть крошечный намек на иное чувство?

Он боялся, что это лишь его собственное заблуждение, неверное истолкование ее чистой доброты; боялся, что если он поспешит сближение, то разобьет хотя бы нынешнее хрупкое спокойствие и поставит ее в неловкое положение; но больше всего он боялся стать вторым Юн Ци, принеся ей новые заботы.

Эр Кан видел, как в глазах брата борются жажда и страх, и прекрасно понимал его.

Он положил руку на слегка подрагивающее плечо Эртая, твердо и уверенно:

— Эр Тай, в делах сердечных тебе все равно придется разбираться самому, прочувствовать их самому. Сяо Яньцзы отказала Юн Ци, но это не значит, что она обязательно примет тебя. Но по крайней мере... — он сделал паузу, его взгляд стал одновременно острым и мягким, — ты больше не просто «Эр Тай за спиной Пятого принца». Ты можешь быть Фу Эртаем, тем самым Фу Эртаем, который может открыто и честно встать перед ней, чтобы она заметила его и смогла сделать выбор!

— Но, — он обнажил свой самый глубокий страх, — я боюсь, что для нее я тоже не более чем еще один «старший брат»... или даже хуже того. Я... не хочу пользоваться чужой бедой и не хочу причинять ей беспокойство.

Душевная буря Сяо Яньцзы сейчас очевидно сильна, если он откроет свои чувства в этот момент, чем это будет отличаться от давления?

Эр Кан смотрел на метавшегося брата, который во всем заботился о Сяо Яньцзы, испытывая одновременно жалость и облегчение.

По сравнению со страстной и открытой погоней Юн Ци, в этих чувствах, возможно, было меньше головокружительных страстей, но зато больше тяжеловесной заботы и оберегания.

— Твои опасения мне понятны, — голос Эр Кана смягчился. — И спешить прямо сейчас не нужно. Вам обоим требуется время и подходящий момент. Ты должен лишь помнить: не давить на нее благодарностью, не требовать отдачи и не ставить в неловкое положение. Будь то тихое оберегание или своевременная забота — дай ей постепенно прочувствовать твои намерения и дай ей время разобраться в собственном сердце.

Эр Тай молчал очень долго. В кабинете звучало лишь тревожное потрескивание свечей, отражавшееся на его переменчивом профиле. Слова брата словно подули ветром, разогнав густой тум у глаз, но одновременно открыв извилистый и отнюдь не легкий путь впереди.

Он медленно разжал крепко сжатые кулаки, на ладонях от ногтей остались глубокие полулунные следы.

— Я понял, брат, — голос Эртая наконец обрел некоторую устойчивость. Хотя буря в его глазах еще далеко не утихла, в них появилась сила спокойного размышления.

Эр Кан знал, что брату нужно переварить эту огромную порцию информации в одиночестве, поэтому он лишь велел ему не забивать голову лишними мыслями и беречь себя, а затем тихо вышел из кабинета.

Дверь мягко закрылась, оставляя внутри мерцающий свет свечи и бьющееся, полное надежд и

страхов человеческое сердце.

Эр Тай остался стоять один под светом лампы и долго не двигался.

Сяо Яньцзы...

Он безмолвно, тысячу раз повторял это имя про себя. На языке вертелась неразстворимая нежность и неотступная тревога.

Удивление? Оно было. Огонек внезапно вспыхнувшей надежды обжигал его кровь.

Страх? Его было больше, чем радости. Он боялся разочарования после надежды, отчуждения после сближения, боялся, что он в конце концов окажется не тем человеком, которого она ждет.

Но брат прав — это шанс.

Шанс перестать быть тенью и сделать шаг навстречу ей под именем «Фу Эртая».

Он больше не мог спокойно довольствоваться ролью «Эртая за спиной Пятого принца».

Обитель Шуфан.

— Цзы Вэй... — Сяо Яньцзы завопилась в одеяле, переворачиваясь туда-сюда, и наконец села. — Я сегодня... поговорила с Юн Ци начистоту. Я сказала ему, что всегда считала его братом, лучшим из братьев. Сказала, что мы из разных миров, что я не вынесу дворцовых порядков... Он ответил, что может отказаться от всего, а я ему — мол, а если твоя матушка пригрозит смертью... Скажи, я ведь поступила слишком бессердечно?

Цзы Вэй протянула руку и поверх одеяла легко похлопала её:

— Нет. Это потому, что ты видишь всё ясно и не хочешь волочить хвосты за собой. Этот довод Юн Ци... он со временем поймет.

— Поймет ли? Когда он уходил, его спина... была такой грустной. Я боюсь, что он больше перестанет со мной общаться, боюсь, что мы даже братом и сестрой остаться не сможем.

— Нет, не перестанет. Мы ведь знаем характер Юн Ци. Он дорожит чувствами и разумен.

Цзы Вэй тоже приподнялась, взяла руку Сяо Яньцзы и принялась мягко поглаживать её, успокаивая:

— Ты должна дать время и ему, и себе, чтобы привыкнуть к таким переменчивым вещам.

Сяо Яньцзы понимающе и в то же время растерянно кивнула, изо всех сил заморгав, чтобы отогнать подступившие слёзы.

— Хотя... хотя мне было тяжело смотреть на опечаленного Юн Ци, и в груди будто застрял тяжелый камень... Но после того, как мы всё высказали друг другу, здесь... — она вытащила руку из ладони Цзы Вэй и прижала к собственной груди, — мне словно стало легче... И даже чуточку радостно. Я знаю, что так думать нельзя, ведь Юн Ци все еще страдает... но я ничего не могу с собой поделать. Цзы Вэй, разве я плохая?

Цзы Вэй мягко покачала головой, протянула руку и убрала выбившуюся у Сяо Яньцзы прядку волос за ухо, а уголки её губ тронула нежная улыбка:

— Ты не плохая. Ты — настоящая, Сяо Яньцзы. Это потому, что ты наконец последовала зову своего сердца, а сердце не обманешь. Грустить из-за Юн Ци ты стала потому, что дорожишь вашей связью, и в этом твоя доброта. Радоваться за себя ты стала потому, что наконец ясно поняла, чего хочешь сама, и нашла в себе смелость сделать выбор, и в этом твой рост. Эти две вещи вовсе не противоречат друг другу.

Сяо Яньцзы в ответ крепко-крепко сжала руку Цзы Вэй:

— Правда? — тихо спросила она.

— Правда, — уверенно кивнула Цзы Вэй, её взгляд был мягким и твердым.

Мрачное настроение Сяо Яньцзы как рукой сняло. Получив подтверждение от Цзы Вэй, она почувствовала прилив сонливости, перевернулась на бок и похлопала по месту рядом с собой:

— Цзы Вэй, ложись спать, завтра ведь еще нужно отнести Наставления для женщин (Нюй цзе) Отцу-Императору.

— Хорошо, — откликнулась Цзы Вэй и тоже легла. На лицах обеих девушек застыли улыбки, после чего они погрузились в глубокий сон.

Лучи солнца сквозь изящные резные оконные переплеты тепло ложились на лицо.

Сяо Яньцзы с наслаждением сладко потянулась, так что суставы хрустнули с приятным звуком.

— Как же хорошо... — пробормотала она, кутаясь в парчовое одеяло и еще немного понежившись в постели.

<http://bllate.org/book/22027/2290103>